

но — по науке», государству вроде бы дешево обходится, а публике можно продать по цене настоящей икры. Поистине, наше власть «играет как умеет», а другой нету...

Наконец, нашим региональным и международным партнерам пришла пора понять, что на месте «черной дыры», появившейся после распада СССР, им выгоднее иметь дело не с международными бандитами, «Уралмашевской ОПГ» или «солнцевской» и «измайловской братвой», а с полноценными, ответственными, демократическими вполне европейскими и вполне азиатскими государствами. А для этого надо помогать не «семьям», не «олигархам», не братве, а именно полноценным и ответственным общественным организациям, имеющим незапятнанную репутацию и опыт ответственного участия в правозащитных и гуманитарных акциях. В случае, если удастся превратить эти организации в партнеров российского государства и добиться того, чтобы они совместно отстаивали общенациональные интересы, обеспечивали гражданское согласие, есть шанс, что Российская Федерация не только не распадется, а станет полноправным и ответственным участником общеевропейского концерна, организации Азиатско-Тихоокеанского региона и благополучно впишется в международную организацию XXI века.

Г. К. Исакова,

*доцент Семипалатинского государственного университета
(г. Семипалатинск, Казахстан)*

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В XX веке права человека стали главной философской концепцией в политическом мышлении. «Философия прав человека — это концепция, объединяющая людей гораздо крепче, чем любое другое существовавшее доселе мировоззрение» (1).

Представления о правах человека, основанные на различном мировоззрении, методологических подходах, политических позициях, представляют совокупность существующих в обществе вариантов понимания прав человека. Анализируя концепции прав человека и их реализацию в различных странах, различных правовых системах, можно проследить общие

критерии, на которых может строиться политика и практика прав человека.

На постановку, обоснование, решение многих проблем прав человека прямо влияет проблема научного правопонимания, которое способно к многоплановому объективному восприятию глубинного смысла прав человека в контексте явлений, соответствующих современному уровню познания природы права. Вторая половина и конец XX века характеризуются развитием двух тенденций в правопонимании: глобализации (в форме международно-правовых стандартов) и регионализации (в форме признания и уважения особенностей региона и образующих его государств) (2).

Глобализация модернизационного процесса означает универсализацию тех человеческих ценностей, которые детерминируют социальную трансформацию общества. В частности, универсальный, общечеловеческий смысл приобретают те политические ценности, которые определяют демократизацию, либерализацию общества. Это ценности свободы, равенства, справедливости, гражданской активности, толерантности и, конечно, прав человека.

В современных условиях межгосударственные отношения должны строиться на основе, во-первых, взаимных общих интересов и общечеловеческих ценностей, того, что ценно и важно для любого государства, независимо от формы правления, государственного устройства, уровня социально-экономического развития, культуры и традиций; во-вторых, на основе терпимого, лояльного отношения к иной культуре, иному образу жизни. Народы, проживающие на территории различных государств, отличаются языком, культурой, традициями, но их всех объединяет то, что они все люди, а потому для каждого из них ценными являются его жизнь, права и свободы. Все различия, все границы, которые люди провели между собой, второстепенны. «Первостепенным для общественной жизни, — отмечает Ковалев С., — является простой факт принадлежности всех нас к общности более высокого порядка — человеческому роду» (3). Принадлежность всех людей мира, любого государства к человеческому роду — вот основа, на которой держится терпимость к другим отличиям в людях, которые носят не определяющий, а второстепенный характер.

Общая воля человечества (каждый человек независимо от государственной принадлежности, действия национальной

правовой системы чувствует в себе одинаковость понимания законов совместного проживания), реализуемая в праве, требует общечеловеческих стандартов, допускающих не только развитие и инициативу, но и преследующих поведение, которое в случае осуществления его в широких масштабах может нанести ущерб человечеству, поставит под сомнение общечеловеческие ценности как ориентир нормального движения и развития человечества в целом и отдельного человека (в том числе включающие и защиту индивидуальных прав и свобод человека как элементарных частиц, из которых складывается безопасность человечества в целом) (4).

Прямым следствием неизбежной необходимости гармонизации личного и общественного начал в человеке для его блага и для блага и развития всего человеческого рода являются, по мнению Канта, государство и право как естественные порождения природы человека. Развивая антагонизм, конкуренцию и инициативу в человеческом обществе, природа, по Канту, позаботилась о высокой степени развития инструментов гармонизации человеческих отношений, сотрудничества и взаимопомощи. В этом смысле право и соответствующее ему государство связаны с глубинными основами природы человека и целями его истории (5).

В настоящее время в международном праве существует около 70 нормативно-правовых документов в области прав человека. Действующие международные договоры, пакты и конвенции создали юридически обязательные нормы поведения государств в области защиты прав человека. При этом международный стандарт, например, в рамках ООН по своей природе является минимальным, поскольку это результат компромисса, согласия между странами с различными правовыми системами и традициями, по тем или иным причинам пришедшими к общему выражению своих на практике ощутимо расходящихся позиций. Достижение согласия относительно минимальных стандартов по защите прав человека стало возможным прежде всего на основе признания мировым сообществом ценности человеческой жизни, осознания жизненной необходимости толерантного отношения друг к другу. Практика показывает, что эффективное разрешение всех противоречий, в том числе и в подходах к правам человека, возможно через единство, через консенсус.

Сторонники теории прав человека предполагают наличие

определенных универсальных принципов и норм, применимых к любому человеческому обществу. Важнейшим фундаментальным принципом прав человека является принцип универсальности. Понятие «принцип» отражает внутреннюю сущность явления как диалектического единства противоположностей или различий. Поэтому принцип универсальности предполагает и различие. Действительно, нечто «универсальное» (общее, всеобщее) в правах человека как реальное объективное явление, как реальный объективный процесс, считает Евменов, не существует вне неуниверсального (особенного или единичного). С этой точки зрения нормы Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, участниками которого стали 137 государств, являются в определенной степени универсальными, вошедшими в общечеловеческую концепцию прав человека. Но они неуниверсальны как реальное объективное проявление для стран, в том числе США, не ратифицировавших этот документ. История принятия международных документов по правам человека показывает, что несмотря на содержание в них разнокачественных по своему политическому и социально-экономическому содержанию формулировок, они включают в себя общечеловеческое выражение прав и свобод человека, что делает их способными вполне эффективно регулировать межгосударственные отношения, добиваться общих позиций по проблемам прав человека, терпимо относясь при этом к различиям и особенностям.

Сторонники культурного релятивизма считают, что различные исторические традиции, психология и культура разных государств не могут не повлиять в определенной степени на понимание прав человека, на политику и практику в этой сфере. Из этого государственные деятели ряда восточных стран делают вывод, что нельзя считать, что стандарты и модели прав человека, принятые некоторыми странами, являются единственными, и нельзя требовать, чтобы все страны подчинились им. Они определяют категорию «права человека» как явление, характерное лишь для «западных цивилизаций» и не соответствующее национальной культуре и традициям восточных стран.

Исламская Республика Иран выдвигает тезис о том, что Всеобщая Декларация прав человека, представляющая иудейско-христианские традиционные взгляды, не может применять-

ся мусульманами и не соответствует ее системе ценностей. Руководители ряда государств (Иран, Китай, Индонезия и др.), используя аргументы сторонников культурного релятивизма, стремятся обосновать законность и неизбежность ограничения прав человека. Глава китайской делегации на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.) заявил, что государственный суверенитет является основой реализации прав граждан. Если не обеспечен суверенитет государства, не может быть речи о правах его граждан... Взгляды, согласно которым вопросы прав человека не признают границ и отвергают принцип невмешательства во внутренние дела, и любые действия, основанные на этих взглядах, есть не что иное, как формы политики давления (6). В ряде стран считают, что идея универсальности прав человека имеет противовес в лице традиционных нравственных образцов с их этнической и национальной спецификой, а национальные особенности конкретной страны играют ведущую роль в обеспечении прав и свобод граждан (7). Таким образом, целый ряд стран считает, что в действительности международное сообщество все еще далеко от универсального консенсуса относительно прав человека.

Всемирная конференция по правам человека 1993 года, обсудив вопросы универсализма и культурного релятивизма, провозгласила, что «универсальность» основных прав и свобод человека «не подлежит сомнению», что «международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием».

Права человека универсальны, поскольку едина и универсальна человеческая личность. Различные проблемы прав человека можно решать на основе единства человечества, а значит, на принципе универсальности, сохраняя национальное и культурное многообразие. Прав С. Ковалев, говоря, что «концепция прав человека принципиально неполна и принципиально неосуществима, пока она ограничивается рамками национального. Свое полное и непротиворечивое воплощение она может найти только в рамках единого человечества». Мир пришел «к единству, не теряя своего национального и культурного многообразия, ибо в нем тоже залог выживаемости». И вопросу о государственном суверенитете — главному вопросу стран с имперским мышлением — можно про-

тивопоставить идею суверенного человека как части человеческого рода... А значит, единственный путь — это путь принципиального ограничения компетенции суверенного государства. И решаться эта задача может только усилиями человечества в целом (8).

Таким образом, в современных условиях, во-первых, разработана общечеловеческая концепция прав человека в виде международных (в рамках ООН) стандартов по правам человека; во-вторых, в каждом регионе (в рамках Совета Европы, СНГ, Межамериканской системы), в каждой отдельной стране, на основе международных стандартов и с учетом национального своеобразия, складывается собственная концепция прав человека, свой перечень прав и свобод граждан, в чем-то отличный от других стран.

Так, изменившаяся на рубеже XX — XXI веков политическая ситуация в Европе привела к пониманию, что плюралистическая парламентская демократия не должна рассматриваться как что-то завершенное или полностью реализованное. Поэтому в Совете Европы утверждается мнение о необходимости формировать новую демократическую традицию на низовом уровне, побуждая граждан принимать на себя обязательства перед общиной и подумать о принципиально новом подходе к демократии, более требовательном к реальностям демократического образа жизни, а не ограниченным его формальными аспектами, которые необходимы, но не достаточны (9). После демократических революций 90-х годов большинство государств Центральной и Восточной Европы, став полноправными членами Совета Европы, постепенно привели свои национальные институты и законодательство в соответствие с европейскими нормами, отраженными в правовых актах Совета Европы. При этом опыт европейской интеграции основывается на диалоге культур, использующем взаимодополнительность культурных различий.

Ряд стран Юго-Восточной Азии (после длительных и незавершенных попыток осуществить либеральную модель преобразований) обратились к применению западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении тех своих социокультурных основ, которые всегда рассматривались как препятствие на пути перехода этих стран к современному состоянию (10). Как показал профессор А. Китахара (основываясь на опыте Японии), современные де-

мократические цели государства можно провести через общину, которая обладала бы высокой солидарностью и могла решить такую задачу лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество (11). Сама западная концепция прав человека будет нуждаться в определенной корректировке. Поскольку в странах Запада растет количество мусульманского и другого (неевропейского) населения, которое все громче будет требовать развития собственной культуры, поддержки своих национальных традиций, актуальным станет использование опыта восточных стран, особенно полиэтнических государств. Игнорирование этого может привести к возникновению серьезных конфликтов и потрясений (примером может служить Югославия). Все это требует развития отношений между Западом и Востоком на основе, во-первых, взаимного восприятия и обмена ценностями; во-вторых, признания права на национальное и культурное своеобразие, терпимого отношения к их проявлениям в своих государствах.

Интеграционные, культурно-цивилизационные процессы, получившие динамичное развитие в современную эпоху, Восток переживает непросто. Определенную сложность для восточного менталитета представляет ассимиляция западной культуры именно потому, что восточный человек по своему этническому самосознанию ближе к «нерациональному», чем субъект и агент западной культуры. Ему сложно принять формулу индивидуализма в том виде, в каком она вошла в плоть и кровь западной культуры, фактически исчерпавшей потенции как неограниченной спонтанности, самооценности и самодостаточности личной свободы, так и индивидуалистического прагматизма. И перед Востоком, и перед Западом в сфере культуры стоит сегодня единая задача — выработать новую культурную парадигму индивидуальности и рациональности (12).

Таким образом, на рубеже XX—XXI вв. происходит «глобализация прав человека», которая состоит в том, что права человека еще в большей мере утверждаются в качестве института, возвышающегося над государством в целом (теперь и на уровне всего мирового сообщества), а также в том, что в формировании мирового правопорядка решающую роль начинает играть объективное право человека как наднациональное образование (13). Глобализация прав человека подтверждает универсализм прав человека, проявлением которого

стали развитие международных стандартов по правам человека и их имплементация во внутреннем законодательстве большинства стран мира при сохранении культурного и национального многообразия.

Фундаментальным принципом гармонизации любой системы назван принцип сохранения целостности и дееспособности, который «более детально можно представить в виде двух принципов гармонизации системы: 1) приоритета системного перед подсистемным; 2) необходимости функционирования подсистемы в системе» (14). Подсистема как часть несет в себе закономерности системы как целого. Применяя этот принцип к общественным системам, можно считать мировое сообщество системой, а отдельные государства подсистемами, гармония которых возможна на основе идеи прав человека. Международные стандарты по правам человека в виде системы и национальные стандарты и концепции прав человека в каждой отдельной стране в виде подсистем должны и могут функционировать в гармонии как с элементами своей подсистемы, так и с системой в целом. История создания мировым сообществом международных стандартов по правам человека свидетельствует, что соблюдение их делает связи между системой и подсистемами (как на национальном, так и на межгосударственном уровне), а также между различными подсистемами (между индивидами в государстве; между государствами) более стабильными, устойчивыми.

Международные стандарты по правам человека — это открытая система, что говорит о ее способности эволюционизировать. Причем система — международные стандарты по правам человека — устойчива лишь в период наибольшего согласия ее подсистем (отдельных государств), в период наибольшей гармонии и симметрии. По мере накопления противоречий, несогласованности в подходах к проблемам прав человека устойчивость будет ослабевать, и, как следствие, система должна будет эволюционизировать в сторону поиска новых путей компромисса, новых стандартов. Причем эволюцию данной системы можно представить как переход от одного состояния симметрии к другому состоянию симметрии, отражающему современные тенденции мирового развития.

Изменение ментальности в сторону толерантности — терпимости, признания прав и свобод человека как основы международного и внутригосударственного взаимопонимания,

несомненно, будет способствовать долгосрочному миру, стабильности и цивилизационному развитию как отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

**Л. Д. Гинзбург-Франц,
Л. В. Рухтаева,**
*фонд «Центр Федерализма»
(г. Екатеринбург)*

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АНТИТЕЗА ТОЛЕРАНТНОСТИ?

Участившееся в последнее время обращение к понятию толерантности в различных сферах культурной российской жизни в определенном смысле является знаковым. О толерантности или терпимости российское общество, как показывает исторический опыт, начинает говорить обычно в различные переходные периоды. Это периоды смены политической, культурной, социальной парадигмы. При этом, поскольку сигналом к изменениям в России, как правило, являются властные решения, имеет смысл в первую очередь обращаться к феномену толерантности в политической культуре.

По мнению авторов, феномен толерантности не является имманентным для российской политической культуры. Скорее наоборот — является вынужденным, даже вымученным. И истоки толерантности российской политической культуры существенно отличаются от истоков и побудительных мотивов европейской толерантности. Европейская толерантность берет начало в учениях периода Просвещения. Российская же толерантность «нисходит» от царствующего Дома, насаждается правителями, вынужденными держать в узде огромное поликультурное государство. И если европейская государственность имеет толерантность (или, если угодно, договор об общественном согласии) краеугольным камнем, основой основ политической культуры, то российская толерантность есть нечто, насаждаемое вынужденно, больше даже подойдет определение — искусственно.

Кроме того, ближайшая историческая ретроспектива (новая и новейшая история) демонстрирует нам весьма интересный феномен — алгоритмы развития государственности европейских стран и России практически всегда находились в